

21 век. Библиотека школьника

М. Твен

Приключения
Гекльберри
Финна

Марк Твен
Приключения
Гекльберри Финна
(адаптированный пересказ)
Серия «21 век. Библиотека школьника»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472519

Приключения Гекльберри Финна: Директ Медиа; М.; 2015

ISBN 978-5-4458-8638-9

Аннотация

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам.

В книгу вошел один из самых известных романов классика американской литературы «Приключения Гекльберри Финна».

Содержание

1. Страшная клятва	5
2. Родительский день	15
3. Побег	24
4. Девочки и мальчики	34
5. Спасение утопающих	40
6. Доносчик	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марк Твен

Приключения

Гекльберри Финна

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2015

* * *

Лица, которые станут искать в этом произведении мотив, будут отвечать по суду. Лица, которые обнаружат в нем мораль, отправятся в ссылку. Лица, которые выявят сюжет, будут приговорены к расстрелу.

Генерал-губернатор, Начальник артиллерийского управления (по требованию автора)

1. Страшная клятва

Тот, кто не читал книжку под названием «Приключения Тома Сойера», вряд ли знает, кто я такой. Ничего страшного. Сейчас я кратко напомню ее содержание, и все будет в порядке. Если кто спросит, вы всегда сможете блеснуть своими познаниями, даже если никогда не держали в руках томик Марка Твена. Теперь многие так делают.

Итак, мы с моим приятелем Томом Сойером стали героями историй господина Марка Твена. Я на автора не в обиде: он, в общем, старался, изложил наши странствования с юмором и в целом, не очень наврал. Будет время – загляните, обхохочетесь.

Кончается книжка тем, что мы с Томом нашли деньги, зарытые грабителями в пещере, и сказочно разбогатели. Судите сами: по шесть тысяч долларов на брата и все золотом! Судья Тэтчер взял на себя обязанность опекать наши капиталы, положил их в банк, и объяснил, что теперь у нас каждый день будет по доллару чистой прибыли, а делать при этом ничего не надо. Нас с Томом, понятное дело, это очень даже устроило.

Вдова Дуглас усыновила меня и принялась воспитывать. Честно говоря, жаловаться на вдову было бы свинством. Она старалась, вдоволь кормила меня и никогда не ругала, только уж очень много правил-поведения-в-приличном-обществе

сразу обрушилось на мою голову. Курить и ругаться она запрещала, заставляла одеваться во все чистое и спать на свежем белье. В конце концов я удрал на волю, однако на третий день Том разыскал меня.

– Я набираю шайку разбойников, – заявил он. – Могу принять и тебя тоже, если вернешься к вдове и будешь вести себя хорошо. Когда у нас будет первый сбор, – это сегодня ночью – я приду к ее дому и мякну тебе снизу.

Скрепя сердце я поплелся обратно. Вдова повздыхала, обозвала меня бедной заблудшей овечкой, одела во все новое и чистое, так что я целый день ходил, словно связанный, и потел.

Сестра вдовы, мисс Уотсон, сухопарая старая дева в очках, как раз в этот день приехала к ней погостить. Заняться мисс Уотсон было нечем, и она с жаром принялась меня воспитывать.

– Не клади ноги на стул, Гекльберри! – только и слышал я от нее. – Не скрипи стулом, сиди смирно! Не зевай и не потягивайся, веди себя как следует!

Я даже есть не мог за ужином – так она меня замучила. Кончилось тем, что вдова сама за меня заступилась и велела мисс Уотсон «оставить ребенка в покое».

Я поднялся с огарком свечки к себе наверх, сел перед окном и попробовал думать о чем-нибудь веселом. Однако мрачное настроение, вызванное нападками мисс Уотсон, не проходило. К тому же я услышал, как где-то за огородом кри-

чит козодой и воет собака. Негры говорят, это значит, что скоро кто-то умрет. Я совсем пал духом, а тут еще откуда-то мне на плечо свалился паук. Я его сбил щелчком, но не рассчитал и попал прямо на свечку, и паук тут же съежился. Хуже не бывает приметы. Если убьешь паука, жди большой беды. Я вскочил, повернулся три раза на каблуках и каждый раз при этом крестился, потом взял нитку и перевязал себе клок волос, чтобы отвадить ведьм. Однако все это помогало слабо, и мне это было прекрасно известно.

Мне стало так тоскливо, что, несмотря на за прет вдовы, я потихоньку достал трубку. В доме было тихо, как в гробу. Я рассудил, что никто ничего не узнает, и закурил. После трубки мне стало легче. Пробило двенадцать, и я услышал, как внизу, в темноте, под деревьями треснула ветка, а потом кто-то еле слышно мяукнул. Я обрадовался, вылез в окно и соскользнул по водосточной трубе на землю. Под деревьями меня ждал Том Сойер, и мы на цыпочках двинулись между деревьями в конец сада.

– Слушай, Гек, – шепнул по дороге Том, – у меня маловато свечей, надо бы пойти в кухню и взять побольше.

– Там сейчас Джим, негр мисс Уотсон, – ответил я. – Он спит снаружи, но может проснуться и войти в кухню.

– Что ты все трусишь! – рассердился Том. – Что тебе не предложишь, ты никогда не хочешь рискнуть!

Я не нашелся, что возразить, и вслед за Томом потащился к кухне. Джим лежал у самого входа и громко храпел, но Том

все же осторожно забрался внутрь, взял три свечи и оставил на столе пять центов в уплату. Я решил от греха подальше даже не высовываться из кустов.

– Между прочим, – похвастался Том, когда вернулся, – я стащил с Джима шляпу и повесил ее на сучок у него над головой.

– А Джим?

– А Джим немножко пошевелился, но не проснулся. Так что все шито-крыто!

На другой день Джим уверял, будто ведьмы околдовали его, усыпили и катались на нем по всему штату, а пять центов ему подарил сам черт. Негры стали собираться со всей округи, чтобы послушать его рассказы, и отдавали Джиму все, что у них было, лишь бы взглянуть на монетку. Однако негры ни за что не соглашались дотронуться до нее, потому что пятицентовик побывал в руках черта. Джим стал пользоваться среди слуг неслыханным уважением. Монетку он надел на веревочку и нацепил на шею, очень загордился, а работать перестал совсем.

– Это мой талисман, – хвастался Джим. – Им можно лечить от всех болезней и вызывать ведьм, когда вздумается, – стоит только прошептать заклинание.

Пока же Джим спал, мы с Томом, как у него и было договорено, встретились на старом кожевенном заводе с Джо Гарпером и Беном Роджерсом. Те привели с собой еще двоих знакомых ребят, желавших податься в разбойники. На яли-

ке, который Том еще днем припрятал у берега, мы спустились по реке километра на три, до большого оползня на горе. Когда мы вскарабкались по склону, Том остановился, повернулся к нам и поднял руку, требуя тишины.

– Поклянитесь, что не выдадите тайны! – торжественно потребовал он.

– Клянемся! – с готовностью ответили мы, и тогда Том раздвинул кусты и показал нам вход в пещеру.

Один за другим мы протиснулись внутрь. В пещере было очень сыро, и влага капала с потолка.

– Объявляю о создании шайки разбойников, – заявил Том. – Назовем ее «Шайка Тома Сойера». Кто захочет разбойничать вместе с нами, должен будет принести клятву и подписаться кровью.

Все согласились. Том достал из кармана листок бумаги, где у него была написана клятва.

– «Клянусь горой стоять за шайку и никому не выдавать ее тайн, – откашлявшись, прочитал он вслух. – Если кто-нибудь обидит моего товарища, я не должен ни есть, ни спать, пока не убью обидчика и всех его родных и не вырежу у них на груди крест – знак нашей шайки. Если кто-нибудь из нас выдаст тайну, я перережу ему горло, сожгу труп и развею пепел по ветру, кровью вычеркну его имя из списка и больше не стану о нем вспоминать. Предатель да будет проклят на веки веков».

– Клятва замечательная! – признал Джо Гарпер. – Слу-

шай, Том, неужели ты сам ее придумал?

– Кое-что сам, а остальное взял из книжек про разбойников и пиратов, – ответил Том.

– Клятва отличная, – подтвердил Бен Роджерс, – только можно дополнить ее. Хорошо бы убивать родных у тех, кто выдаст тайну.

– Недурная мысль, – кивнул Том, и вписал предложение Бена карандашиком.

– У Гека Финна никаких родных нет; как с ним быть? – подал голос Джо.

– Ну и что, отец-то у него есть, – пожал плечами Том.

– Где ж ты разыщешь его отца? Больше года старика Финна не видели в городе.

– Тогда придется Гека вычеркнуть, – развел руками Бен.

– Еще чего! Подумаешь, родных нет! Может, вам мои родные и не понадобятся! – возмутился я.

– Может, – согласился Том, – только, понимаешь, Гек, так уж положено, чтобы родных, в случае чего, убивали. А у тебя убивать некого. Так нечестно.

– Может, кого-нибудь другого можно убить? – предложил я. – Вот, к примеру, мисс Уотсон, сестру вдовы Дуглас, у которой я теперь живу.

Все согласились и стали колоть себе пальцы булавкой и подписываться под текстом клятвы кровью.

– Ну вот, – подытожил Том, – теперь мы разбойники. Наденем маски и будем останавливать дилижансы на большой

дороге, убивать пассажиров и отбирать у них часы и деньги. Некоторых приведем сюда в пещеру и будем держать, пока за них не дадут выкупа.

– Выкупа? А что это такое? – поинтересовался я.

– Не знаю. Я про это читал в книжках, и нам придется так делать. Брать выкуп, то есть.

– Как же они станут выкупаться, если мы сами не знаем, как это делается? – с сомнением протянул Джо.

– Том, а ты сам как думаешь, что это такое? – спросил Бен.

– Может, это значит, что надо их держать, пока они не умрут? – предположил Том.

– Точно! – обрадовался Джо. – Будем их держать, пока они не выкупятся до смерти. Слушай, а женщин тоже будем убивать?

– В книжках ничего подобного нет, – ответил Том. – Женщин убивать нельзя.

– А что с ними делать? – поинтересовался я.

– Приводишь их в пещеру и обращаешься с ними как можно вежливее, а они тем временем в тебя влюбляются и сами больше не хотят домой.

– Я что-то большого смысла в этом не вижу, – изрек Джо. – Так у нас в пещере скоро пройти негде будет: столько набьется женщин и тех, кто дожидается выкупа. Так и самим разбойникам мес та не хватит.

– Ладно, над этим подумаем, – решил Том и предложил приступить к выборам.

Мы единогласно избрали его атаманом шайки, а Джо Гарпера – помощником и разошлись по домам.

Почти целый месяц мы играли в разбойников, а потом я это дело бросил, и остальные ребята тоже. Никого мы не ограбили и не убили, только, дурака валяли. Например, выбегали из леса и бросались на погонщиков свиней или на женщин, которые везли овощи на рынок. Том называл свиней «золотыми слитками», а репу и морковь – «драгоценными камнями». Вернувшись в пещеру, мы хвастались, сколько всего награбили и сколько человек убили.

Однажды Том заявил, что получил от своих лазутчиков тайное сообщение, будто завтра около пещеры остановится караван богатых арабов и испанских купцов, с двумя сотнями слонов, шестью сотнями верблюдов и тысячей вьючных мулов, нагруженных алмазами. Он велел нам наточить мечи и вычистить ружья. Мы послушались, хотя все наше оружие состояло из палок и ручек от щеток.

Когда наутро мы пришли к пещере, никаких испанцев и арабов там не было, верблюдов и слонов тоже. Караван на проверку оказался экскурсией первоклассников из воскресной школы. Мы на них набросились и разогнали детей по долине. Никакой добычи нам, конечно, не досталось, кроме пряников и варенья. Бен подобрал тряпичную куклу, а Джо – молитвенник. Потом за нами погналась учительница, мы все это побросали и пустились бежать.

– Слушай, Том, зачем ты наврал, что там будет караван? –

разочарованно спросил Джо.

– Всему виной наши враги – чародеи, – таинственно проговорил Том. – Это они назло превратили арабов в воскресную школу.

– Тогда давай нападём на них, – предложил Бен.

– На кого?

– На чародеев.

– Это очень опасно. Чародей может вызвать себе на помощь целое полчище джиннов...

– Мы тоже вызовем джиннов, – не растерялся Джо.

– Как это ты их вызовешь? – не понял Том.

– Не знаю. А чародеи как вызывают?

– Как? Потрут старую жестяную лампу или железное кольцо, и со всех сторон к ним слетаются духи, гром гремит, молния сверкает. Джинны все могут. Если тот, кто потрет лампу, велит выстроить дворец из бриллиантов и наполнить его доверху жвачкой с конфетами, а потом похитить дочь китайского императора себе в жены, джинны все это должны сделать.

– Знаешь, Том, по-моему, джинны просто ослы, если так стараются для других, – заметил я. – Я бы на их месте оставил дворец и дочь императора себе.

– Ничего ты не понимаешь, Гек! И вы все тоже! Никакого воображения! Скука с вами смертная! – в сердцах бросил Том.

Мы разошлись, недовольно ворча. На этом наши разбой-

ничьи похождения закончились.

2. Родительский день

Наступила зима. Вдова определила меня в школу, я научился читать и писать, даже осилил таблицу умножения. Когда становилось невтерпеж, я удирал с уроков, а на следующий день получал порку от учителя. Это шло мне на пользу. Чем дольше я ходил в школу, тем больше привыкал к ней, да и к правилам вдовы Дуглас тоже постепенно притерпелся. В одном мы с ней никак не могли сойтись: вдова ни в какую не хотела верить приметам, какими бы верными я их не считал.

Как-то утром за завтраком меня угораздило опрокинуть солонку. Я поскорей схватил щепотку соли, чтобы перекинуть ее через левое плечо, чтобы отвести беду, но тут очень некстати подоспела мисс Уотсон и остановила меня.

– Не сори, Гекльбери, – заявила она и аккуратно, ладонью, собрала соль со скатерти.

Отвести беду не удалось, и остаток дня я шатался по городу в самом унылом настроении и ждал неприятностей.

Свежий снег тонким слоем лежал на земле, и я заметил возле нашего дома странные следы. На левом каблуке незнакомца был набит крест из больших гвоздей. Так делают, чтобы отводить нечистую силу. Я вспомнил, что похожие башмаки были у моего отца, и испугался, что он снова явился в город. Добра от его появления мне ждать не приходилось:

он был большой любитель колотить меня. К тому же, узнай папаша, что у меня завелись деньги, он непременно потребовал бы свою долю. Сам бы я от него ни за что не отвертелся. Надо было обратиться к кому-нибудь за помощью, и я побежал к судье Тэтчеру.

– Вчера я получил за тебя больше ста пятидесяти долларов, – обрадованно сообщил судья, едва я поздоровался. – Это проценты за полгода, Гек. Я положу эти деньги вместе с остальными шестью тысячами, а то ты, чего доброго, истратишь их, если возьмешь.

– Нет, сэр, – решительно заявил я, – тратить я их не буду. Вообще мне эти деньги не нужны. Возьмите себе и шесть тысяч, и все проценты.

– Ты что, Гек? Что случилось? – оторопел судья. – Тебе кто-нибудь угрожал?

– Пожалуйста, возьмите мои деньги и ни о чем не спрашивайте, – твердо стоял я на своем. – Тогда мне не придется врать.

Судья задумался.

– Кажется, я понял, – наконец сказал он. – Ты хочешь уступить мне свой капитал на время, а не навсегда.

Он взял бумажку и что-то написал на ней.

– Тут сказано: «За вознаграждение». Это значит, что я приобрел у тебя твой капитал и заплатил за это. Вот тебе доллар. Распишись здесь.

Я расписался и пошел к Джиму, негру мисс Уотсон, боль-

шому специалисту по части примет, гаданий и предсказаний. У него был большой волосяной шар величиной с кулак, который Джим вынул из бычьего сычуга, и теперь гадал на нем, взимая за свои предсказания деньги. Негр утверждал, что в шаре сидит дух, который может ответить на любой вопрос.

– Джим, я хочу узнать, правда ли, что мой папаша вернулся в город, – начал я. – Если да, то пусть шар скажет, что старик собирается делать.

– А плата, мистер Гек?

– У меня есть старая фальшивая монета в четверть доллара, – честно сказал я, – но, может, шар ее возьмет, не все ли ему равно? Понимаешь, я все свои деньги отдал судье, потому что боюсь, отец их у меня отнимет.

Джим понюхал монету, покусал и потер ее.

– Ладно, мистер Гек, я сделаю так, что шар примет ее за настоящую, – пообещал он. – Надо разрезать сырую картофелину пополам, положить в нее монету на ночь, а наутро меди уже не будет заметно и на ощупь она не будет такая скользкая. Такую монету и в городе кто угодно возьмет с удовольствием, не то что волосяной шар.

Монета исчезла у Джима в кармане, и гадание началось. Шар стал нашептывать Джиму, а Джим пересказывал мне.

– Ваш папаша еще сам не знает, что ему делать. То думает, что уйдет, а другой раз думает, что останется. Лучше всего ни о чем не беспокойтесь, пусть старик сам решит, как ему быть.

Легче от этого предсказания мне не стало, но пришлось довольствоваться имеющейся уклончивой информацией. Я поплелся домой, полный мрачных предчувствий. Первое, что я увидел, войдя к себе в комнату, был мой родитель собственной персоной!

Отцу было лет около пятидесяти. Его длинные, нечесанные, грязные волосы свисали космами на лоб. Волосы были черные, без седины, а лицо совсем бледное, как рыбе брюхо. Одежда состояла из одних лохмотьев, один сапог лопнул, и наружу вылезли два пальца.

– Ишь ты, как вырядился! – вместо приветствия заявил мне папаша. – Небось думаешь, что ты теперь важная птица?

– Может, думаю, а может, и нет, – буркнул я.

– Говорят, образованный стал, читать и писать умеешь, – продолжал он недовольно. – Думаешь, отец тебе и в подметки теперь не годится, раз он неграмотный? Гляди, я дурь-то из тебя выколочу. Школу свою брось. Твоя мать ни одной буквы не знала, так неграмотная и померла. И все родные тоже. Я сам ни читать, ни писать не умею, а сынок, смотри ты, каким франтом вырядился! Зря думаешь, что я это терпеть буду! А может, врут, про грамотность-то? Ну-ка, почитай вслух.

Я взял учебник и начал читать что-то про генерала Вашингтона. Не прошло и минуты, как отец вы рвал книжку у меня из рук, и она полетела в угол.

– Вижу. Читать ты умеешь, – проговорил он беря в руки

синюю с желтым картинку, где был нарисован мальчик с коровами. – Это что такое?

– Это мне дали за хорошую учебу.

– Я тебе тоже дам кое-что: ремня хорошего! – рассердился отец и разорвал картинку. – Разбогател, говорят! Это каким же образом?

– Все врут – вот каким, – буркнул я.

– В общем так: ты мне эти деньги завтра же достань.

– Нет у меня денег.

– Врешь! Они у судьи Тэтчера.

– Судья Тэтчер приобрел у меня весь капитал. Вот расписка. У меня есть всего один доллар, и тот мне самому нужен...

– Какое мне дело, что тебе нужно!

Папаша отобрал у меня единственный доллар, а на другой день напился и пошел к судье Тэтчеру требовать, чтобы тот отдал ему мои накопления. Ничего из этого не вышло, и тогда отец пригрозил, что заставит отдать деньги по закону.

Вдова и судья Тэтчер подали прошение в суд, чтобы меня у отца отобрали и кого-нибудь из них назначили в опекуны. Однако судья у нас с Сент-Питерсберге был новый. Он недавно получил назначение, еще не знал моего папашу и сказал, что суду не следует без крайней необходимости вмешиваться в семейные дела и разлучать родителей с детьми.

Будь моя воля, я объяснил бы новому судье, что такая крайняя необходимость существует. Папаша все время тре-

бовал у меня денег. Пришлось занять три доллара у Тэтчера. Отец их отнял, напился и в пьяном виде шатался по всему городу, ругаясь и безобразничая. Кончилось тем, что его поймали и посадили под замок, а наутро повели в суд и приговорили к недельному заключению.

Новый судья заявил, что намерен сделать из старика Финна человека. Он привел папашу к себе в дом, одел с головы до ног во все чистое, посадил за стол вместе с семьей и завел разговор о трезвости, да так, что папашу слеза прошибла.

– Боже мой, господин судья! – запричитал отец. – Столько лет я вел себя дурак дураком! Но уж теперь – все! Начинаю новую жизнь, и больше ни капли в рот не возьму!

Судья прослезился, жена его заплакала от умиления. Отец дал письменное обязательство не пить и вместо подписи поставил крест.

– Это историческая, святая минута... – проговорил новый судья, и добавил, – друг мой.

Старика отвели в лучшую комнату, которую берегли для гостей. Папаша лег спать трезвым, чего с ним не случилось ни разу за последние лет пятнадцать. Однако ночью ему захотелось выпить, он вылез на крышу, спустился по столбику на крыльцо, обменял свой новый сюртук на бутылку виски, влез обратно и осушил ее до доньшка. На рассвете он, пьяный в стельку, вывалился из окна, скатился с крыши, сломал себе левую руку в двух местах и чуть было не замерз насмерть. Лучшую комнату судьи папаша превратил в убор-

ную, и хозяин здорово обиделся.

– Старика, пожалуй, можно исправить, – процедил рассерженный судья, – хорошей пулей из ружья. Другого способа я не вижу.

Когда рука у отца зажила, он подал жалобу на судью Тэтчера, чтобы тот отдал мои деньги. Мне самому сильно от него влетало, потому что я так и не бросил школу. Раза два папаша ловил меня на улице и немилосердно порол, а весной выследил прямо после уроков, поймал и увез в лодке вверх по реке.

Мы с ним стали жить в старой хибарке. У отца было краденое ружье, и мы ходили на охоту, удили рыбу, так что еды хватало. Временами он запирали меня на замок и уезжал в лавку к перевозу. Там старик менял рыбу и дичь на виски, привозил бутылку домой, напивался вдребезги, пел песни, а потом колотил меня. Вдова узнала, где я нахожусь, и прислала мне на выручку слугу, но отец выгнал его, пригрозив ружьем.

После этого случая старик совсем распустился, повадился драться палкой, и я понял, что надо удирать. Обдумав все как следует, я решил, что возвращаться к вдове нет смысла. Лучше возьму с собой ружье и удочки и пойду бродяжничать по всей стране, а пропитание буду добывать охотой и рыбной ловлей. Я уйду так далеко, что ни старик, ни вдова меня больше ни за что не найдут. Дождавшись, когда папаша в очередной раз уехал за виски, я взял старую ржавую пилу

без ручки и начал отпиливать кусок толстого бревна в углу хибарки, чтобы можно было пролезть в дырку. Времени это отняло порядочно, однако, когда я услышал шаги отца, дело уже шло к концу. Я наскоро уничтожил следы работы и спрятал пилу.

В тот вечер старик явился сильно не в духе. Он по бывал в городе у адвоката, и тот сказал, что выиграет процесс и получит деньги от Тэтчера, если удастся довести дело до суда. Существовало множество способов оттянуть разбирательство, а судья Тэтчер по праву считался большим мастером в таких делах. Адвокат упомянул, что судья со своей стороны затевает новый процесс, чтобы отобрать меня у отца и отдать под опеку вдове.

– Посмотрим, как им это удастся! – орал папаша. – Я буду глядеть в оба! Пусть только попробуют! Я-то знаю одно место, где тебя спрятать!

Ночью со стариком стало твориться неладное. Он как сумасшедший метался по хижине и кричал. Ему мерещились змеи, и он жаловался, что гады ползают у него по ногам, причем я никаких змей не видел и решил, что папаша допился до белой горячки. Потом стало еще хуже: он принялся гоняться за мной с ножом и называл Ангелом смерти.

Наконец он обессилел, повалился на кровать и задремал. Больше оставаться под одной крышей с ним было нельзя. Я снял со стены ружье, улегся в углу, прицелился в папашу и решил, когда он проснется, потребовать ключ, отпереть

дверь и вы браться на свободу.

3. Побег

– Вставай! Что это ты задумал?

Я открыл глаза и оглянулся. Надо мной стоял отец. Солнце уже взошло. Значит, я все же уснул и проспал момент пробуждения старика.

– Почему ты взял ружье? – спросил он.

– Кто-то ломился в дверь, – не растерялся я.

– Почему ты меня не разбудил?

– Я пробовал, но не смог вас растолкать.

– Если кто-нибудь в другой раз будет шататься вокруг дома, разбуди меня, слышишь? Этот человек не с добром сюда приходил. Я его застрелю.

Слова отца навели меня на новый план побега. В тот день по реке плыл пустой челнок, и мне удалось выловить его и спрятать в кустах чуть в стороне от того места, где стояла наша хибарка.

После обеда отец запер меня, взял лодку и около половины четвертого отправился за виски в город, предупредив, что в эту ночь домой не вернется. Я подождал, пока его лодка отъедет подальше, и принялся выпиливать кусок бревна в углу хибарки. Работа заняла не больше получаса. Путь к бегству был открыт, и я полез в образовавшуюся дыру.

Пускаться в бега с пустыми руками мне не хотелось. Я взял свиную грудинку, забрал весь сахар, кофе, порох и

дробь, ведро и флягу из тыквы, ковш и жестяную кружку, старую пилу, два одеяла, котелок и кофейник. Подумав, я прихватил отцовские удочки и спички, а кроме того ружье. Все это пришлось перетаскивать в челнок по траве, чтобы не оставлять следов.

Я сильно подрыл стену, когда пролезал в дыру и вытаскивал такое количество вещей. Пришлось как следует засыпать угол землей, чтобы не было видно опилок. Потом я вставил выпиленный кусок бревна на старое место, подложил под него два камня, а один камень приткнул сбоку. Теперь со стороны подкоп под домом казался незаметным. Оставалось представить мой побег как похищение, а еще лучше – как убийство.

Я взял ружье, зашел поглубже в лес, подстрелил дикого поросенка и принес его к хибарке. Несколькими ударами топора мне удалось взломать дверь, причем я старался изрубить ее посильнее. Подтащив поросенка к столу, я перерубил ему шею топором. На земляной пол тут же вытекла лужа крови. Я накидал в мешок камней и поволок его от убитого поросенка к дверям, а потом к реке и сбросил в воду. Возвращаясь, я с удовлетворением отметил, что трава сильно примята: сразу бросалось в глаза, что здесь тащили по земле что-то тяжелое, например, труп человека.

Для полной достоверности я вырвал у себя клочок волос, намочил топор в крови поросенка, прилепил волосы к лезвию и швырнул топор в угол. Обернув поросенка курткой,

чтобы не капала кровь, я отошел подальше от дома и бросил тушку в реку. Тут мне пришла в голову еще одна удачная мысль. Я прорвал в мешке с мукой дыру и поволок его через ивовые кусты к востоку от дома, где начиналось мелкое озеро, заросшее тростником. Мука сеялась всю дорогу, так что получилась тоненькая белая дорожка – ложный след, по которому я хотел пустить пре следователей. Потом я завязал дыру, и отнес мешок в челнок.

Стемнело. Я спустил челнок на воду и стал ждать, пока взойдет луна, а заодно выкурил трубочку и еще раз обдумал свой план. Отец вернется, обнаружит, что я исчез, дверь взломана, а на полу – лужа крови. Он позовет подмогу, люди пойдут по следу мешка с камнями до берега и начнут искать мое тело в реке. Другие пойдут по мучному следу до озера и по вытекающей из него речке станут ловить преступников, которые убили меня и украли вещи. Скоро им это надоест, и больше беспокоиться обо мне никто не будет.

Когда вошла луна, я лег на дно челнока и пустил его по течению. Через пару часов показался заросший лесом остров Джексона. Здесь я вышел на берег, сел на бревно и стал смотреть на воду. Я был опьянен своей свободой, очарован красотой ночной реки и, совершенно успокоившись, уснул.

Когда я проснулся, солнце поднялось уже высоко. Вниз по реке шел пароходик, битком набитый народом. С него раздавались выстрелы. Я понял, что это экспедиция, которая занимается моими поисками. В городке решили, что я мертв,

а труп мой сброшен в реку. Теперь они искали тело и стреляли из пушки, чтобы я всплыл наверх. Удивительно, но наши люди никогда не верят в приметы, пока им не приспичит по-настоящему, то есть когда кто-нибудь не умрет. Потом по воде поплыли караваи. Так всегда ищут утопленников – наливают ртуть в хлеб, и он должен плыть туда, где лежит покойный, и остановиться над ним. Одну ковригу прибило к берегу, что меня очень обрадовало. Я вытащил затычку, вытряхнул небольшой шарик ртути и запустил зубы в белый мягкий хлеб.

Пароходик шел так близко от острова, что мне удалось разглядеть почти всех пассажиров: отца, судью Тэтчера, Бекки Тэтчер, Джо Гарпера, Тома Сойера с тетей Полли, Сидом и Мэри и других знакомых. Все они разговаривали про убийство, некоторые плакали.

– Здесь течение подходит ближе всего к берегу, – расслышал я голос капитана. – Смотрите внимательно: может, тело выбросило на берег и оно застряло где-нибудь в кустах у самой воды.

Я спрятался получше, чтобы меня никто не заметил. Пароход прошел мимо и скрылся из виду, обогнув мыс. Теперь можно было успокоиться – больше никто меня искать не станет. Я вытащил свои пожитки из челнока и устроил себе уютное жилье в чаще леса: даже соорудил из одеял палатку, чтобы вещи не мочило дождем. Я поймал соменка, распорол ему брюхо пилой, а на закате развел костер и поужинал. Когда

стемнело, я уселся у костра с трубкой, а потом пошел на берег и долго слушал, как плещется река, считал звезды, бревна и плоты, которые плыли мимо, а потом лег спать.

Так прошло три дня и три ночи. Весь остров принадлежал мне, и я вдоволь гулял, чтобы убить время. В лесу обнаружилось много спелой земляники, зеленого винограда и зеленой малины. Один раз я чуть не наступил на змею, но она ускользнула, извиваясь в траве. Я пустился вслед, стараясь подстрелить змею, и вдруг наступил на головни дымящегося костра.

Сердце у меня бешено заколотилось от страха. Я осторожно спустил курок, повернул и побежал со всех ног к своей палатке. Душа у меня совсем ушла в пятки. Я поскорей собрал свои пожитки и перенес их в челнок, с глаз долой, потом погасил огонь и разбросал золу, чтобы костер был похож на прошлогодний, и в довершение своих предосторожностей залез на дерево.

Кажется, я просидел там часа два, но так ничего не увидел и не услышал. В эту ночь мне пришлось спать в челноке, вскакивая от каждого шороха. Утром я побоялся разводиться костер, полдня пролежал в лодке, пригнув голову, голодный и напуганный до полусмерти.

– Нет, так больше невозможно! – сказал я себе. – Надо узнать, кто, кроме меня, есть на острове!

После этого мне сразу стало легче, я взял ружье и пошел к тому месту, где наступил на костер. Уже стемнело, когда

среди деревьев замелькал огонек. На земле лежал человек. Голова у него была закутана одеялом. Я уселся в кустах и стал ждать. Скоро человек зевнул, потянулся и сбросил одеяло. Гляжу – а это Джим, негр мисс Уотсон!

– Привет, Джим! – обрадовался я и вылез из кустов.

Тот прямо подскочил на месте и вытаращил глаза, а потом бросился на колени и сложил руки, словно для молитвы.

– Не тронь меня! – истошно завопил он. – Я мертвецов не обижаю. Ступай обратно в реку, откуда пришел, оставь в покое старика Джима, я с тобой всегда дружил...

– Не бойся, Джим, – улыбнулся я. – Не надо бояться. Я не умер, а просто сбежал от своего изверга-папаши. Он меня бил и угрожал отнять деньги.

– А кого же убили в хибарке? – спросил Джим.

Я честно рассказал ему историю своего исчезновения.

– Ловко! Даже Тому Сойеру лучше не придумать, – признал Джим.

Я принес муку, грудинку, кофе, кофейник, сковородку, сахар и жестяные кружки, так что Джим прямо остолбенел от такой роскоши. Потом я поймал здорового сома, а Джим выпотрошил его ножом и поджарил. Когда завтрак был готов, мы развалились на траве и принялись за трапезу. Джим ел так, что за ушами трещало.

– А ты как сюда попал, Джим? – поинтересовался я.

Он замялся.

– Обещаешь не выдавать меня? – выдал он наконец.

– Обещаю.

– Я... я убежал.

– Почему?

– Старая хозяйка, мисс Уотсон, вечно ко мне придиралась, просто жить не давала, но все-таки обещала, что в Орлеан ни за что не продаст. Однако в последнее время около дома стал вертеться один работорговец. Однажды я подслушал, как хозяйка говорит вдове, что собирается продать меня на Юг: ей бы не хотелось, но за меня дают восемьсот долларов, а это куча денег! Вдова принялась ее уговаривать, чтобы она меня не продавала, но я не стал дожидаться, чем у них кончится, взял да и сбежал. Кто ее знает, эту мисс Уотсон!

– Ну и правильно сделал, – одобрил я. – Чем дальше от мисс Уотсон, тем, по-моему, лучше!

Наутро мы с Джимом перебрались на крутой холм, в хорошую, просторную пещеру и перетаскали туда все вещи. Челнок пришлось надежно спрятать под густыми ивами. Жизнь наша потекла привольно и размеренно. При дневном свете мы носу не показывали из пещеры, а по ночам ловили рыбу, бродили по острову и много болтали.

Дней десять или двенадцать подряд вода все поднималась и поднималась и наконец вышла из берегов. В низинах остров затопило. По реке плыло много разного хлама – от разбитых лодок и плотов до целых строений. Как-то на рассвете мы взобрались в окно одного такого плавучего дома. Внутри

виднелась кровать, стол, два старых стула, на полу валялись вещи, а на стене висела одежда. В дальнем углу лежал человек.

– Эй! – окликнул его Джим.

Человек не шевелился.

– Он не спит он мертвый, – приглядевшись, сказал Джим. – Стой здесь, я пойду посмотрю.

Он подошел к лежащему человеку и нагнулся над ним.

– Мертвец, – подтвердил Джим. – К тому же голый. Его застрелили сзади. Должно быть, дня два или три, как он умер. Поди сюда, Гек, только не смотри ему в лицо – уж больно его раздуло.

Джим прикрыл труп старым тряпьем, и мы принялись подбирать валявшуюся одежду и грузить ее в челнок. Нам достались жестяной фонарь, новенький карманный ножик, куча свечей и подсвечник, фляжка, жестяная кружка, рваное ватное одеяло, дамская сумочка с иголками, булавками, нитками, куском воска, пуговицами и прочей чепухой, топор и гвозди, удочка с большими крючками, свернутая в трубку оленья шкура, собачий ошейник и подкова. Когда мы уже собрались уходить, я нашел довольно приличную скребницу, а Джим – старый смычок от скрипки и деревянную ногу. Ремни от нее оторвались, а так вполне хорошая оказалась нога, только мне она была длинна, а Джиму коротка.

В пещере мы как следует осмотрели одежду, которая нам досталась, и нашли восемь долларов серебром, зашитые в

подкладку старого пальто из попоны.

– Вот ты говорил позавчера, когда я нашел на горе змеиную кожу, что это не к добру, – заметил я Джиму. – А что плохого случилось? Наоборот, столько обновок раздобыли, даже деньги нам перепали! Врет твоя примета!

Этот разговор состоялся во вторник, а в пятницу после обеда я пошел в пещеру за табаком и наткнулся там на гремучую змею. Я ее убил, свернул кольцом и положил Джиму на одеяло: думаю, вот будет потеха, когда Джим найдет у себя на постели змею! К вечеру, однако, затея со змеей вылетела у меня из головы. Джим бросился на одеяло, пока я разводил огонь, а там оказалась подружка убитой змеи, которая его укусила.

Джим велел мне отрубить змеиную голову и выбросить, а потом снять со змеи кожу и поджарить кусочек мяса на огне. Он съел мясо, запивая его виски, и сказал, что это его должно вылечить. Ступня у Джима сильно распухла, и вся нога выше ступни тоже. Я решил, что ни за какие коврижки больше не дотронусь до змеиной кожи. Джим промучился четыре дня, а потом опухоль стала спадать.

Дни проходили за днями, вода спала и снова вошла в берега. Мне стало скучно, и я сказал Джиму, что переправлюсь за реку и разузнаю, что делается в городе. Джиму эта мысль пришла по вкусу.

– Подожди до темноты, а в городе держи ухо остро, – посоветовал он. – А еще лучше переоденься девочкой. Так

тебя никто не узнает.

Мы укоротили найденное в плавучем доме ситцевое платье, я закатал штаны до колен и влез в него. Джим застегнул сзади все крючки, и оно пришлось мне как раз впору. До самого вечера я тренировался носить эту непривычную одежду. Джим сказал, что у девочек походка более плавная, и велел, чтобы я бросил привычку задира́ть платье и засовывать руки в карманы.

Я переправился в город немного ниже пристани, и течением меня снесло к окраине. Привязав челнок, я побрел по берегу. В маленькой хибарке, где очень давно никто не жил, теперь горел свет. Я подкрался поближе и заглянул в окно. Женщина лет сорока сидела за простым сосновым столом и вязала при свече. Я набрался смелости и тихонько постучал.

4. Девочки и мальчики

– Войдите, – сказала женщина.

Я вошел и сел на стул. Хозяйка оглядела меня с ног до головы.

– Как тебя зовут?

– Сара Уильямс, – представился я.

– А где ты живешь?

– В Гукервилле, это вниз по реке. Я всю дорогу шла пешком и очень устала.

– Наверное, проголодалась. Садись, поешь. Одну дальше я тебя не пушу. Часика через полтора вернется мой муж, он тебя проводит.

Я принялся за еду, а хозяйка начала рассказывать про своего мужа, про родственников, которые живут вверх по реке, и про то, что раньше они с мужем жили гораздо лучше. Я все ждал, когда она заговорит про городские новости, и дело наконец дошло до моего отца и до того, как меня убили.

– Про Гека Финна мы в Гукервиле слышали. Кто же все-таки его убил? – поинтересовался я.

– Многие думают, что сам старик Финн убил.

– Да что вы?

– Сначала почти все так думали, а потом решили, что это дело рук беглого негра по имени Джим. Он сбежал в ту ночь, когда Гека убили. За него обещают награду триста долларов,

а за старика Финна – двести. Негра должны скоро поймать, так что, может, и добьются от него правды.

– Разве его до сих пор ловят? – с замиранием сердца спросил я.

– Люди считают, что негр прячется где-нибудь недалеко. Я тоже так думаю, только помалкиваю. На днях я разговаривала со стариком и старухой, что живут рядом, в бревенчатом сарае, и они упомянули, между прочим, что никто никогда не бывает на острове Джексона. А накануне я там видела дым. Думаю, что этот негр скорее всего там прячется. Во всяком случае, стоило бы остров обыскать. Мой муж съездит и посмотрит вместе с соседом.

Мне стало не по себе. Чтобы занять руки, я взял со стола иголку и стал вдевать в нее нитку. Руки у меня дрожали, и дело не ладилось. Женщина замолчала. Я поднял глаза. Она смотрела на меня как-то странно и слегка улыбалась.

– Триста долларов это уйма денег, – сказал я, напуганный ее взглядом. – Вот бы они достались моей матери. А ваш муж поедет туда сегодня ночью?

– Да, после полуночи. Негр, заснет, а они прокрадутся в лес и в темноте сразу увидят костер.

– Я об этом не подумала.

Женщина все так же странно смотрела на меня, и я растерялся. Надо было выбираться из этого дома как можно скорее.

– Как, ты сказала, тебя зовут, деточка? – неожиданно пе-

респросила хозяйка.

– М-мэри Уильямс.

– А мне показалось, ты сначала сказала «Сара».

– Да, верно: Сара Мэри Уильямс. Мое первое имя Сара.

Одни зовут меня Сара, а другие Мэри.

– Да, Сара Мэри, тяжелые нынче времена. Крысы совсем обнаглели и разгуливают по всему дому. Я нарочно держу под рукой всякие вещи, чтобы бросать в крыс, а то они прямо покоя не дают. Вон лежит свинец, – указала она. – Вообще-то я попадаю метко, только вывихнула на днях руку...

Выждав, когда из угла выбежала крупная крыса, женщина швырнула полоской, скрученной узлом, но не попала, а только охнула от боли.

– Знаешь, возьми свинец, брось, если крыса еще раз высунется, – попросила она меня.

Как только крыса высунула морду из-за сундука, я прицелился и швырнул полоску. Если бы тварь сидела на месте, ей бы не поздоровилось.

– Первоклассный удар, – похвалила хозяйка. – В следующий раз непременно попадешь. А сейчас помоги-ка мне размотать пряжу.

Женщина достала моток, я расставил руки, она надела на них пряжу, а сама продолжала рассказывать про свои дела.

– Ты поглядывай за крысами, – заметила она как бы между прочим. – Лучше держи свинец на коленях, чтобы был под рукой.

С этими словами она бросила мне кусок свинца. Я сдвинул колени и поймал его. Женщина сняла пряжу у меня с рук и очень ласково поглядела мне прямо в глаза.

– Ну, так как же тебя зовут по-настоящему? – спросила она.

– Т-то есть как это?

– Билл, Том, Боб? Я никому не скажу. Просто совершенно очевидно, что ты не девочка. Отпираться бесполезно.

– Понимаете, мэм, – помедлив, начал я, – отец с матерью у меня умерли, а меня отдали на воспитание в деревню к старому скряге фермеру. Он обращается со мной так плохо, что я терпел-терпел и но выдержал. Он куда-то уехал дня на два, я и воспользовался этим случаем: стащил старое платье у его дочки и удрал. Мой дядя, Абнер Мур, позаботится, наверное, обо мне, поэтому я пришел сюда, в Гошен.

– В Гошен, сынок? Это не Гошен. Это Сент-Питерсберг. Гошен выше по реке.

– Тогда мне надо идти.

– погоди минутку. Скажи-ка: если корова лежит, то как она поднимается с земли – передом или задом? Отвечай быстро, не раздумывая.

– Задом.

– А лошадь?

– Лошадь передом.

– С какой стороны дерево обрастает мхом?

– С северной.

– Если пятнадцать коров пасутся на косогоре, сколько из них смотрят в одну сторону?

– Все пятнадцать.

– Да, ты действительно жил в деревне. Я думала, может, ты опять хочешь меня надуть. Так как тебя зовут?

– Джордж Питерс, сударыня.

– Ты не забывай этого, Джордж. А то еще, чего доброго, скажешь мне, что тебя зовут Александр или Майкл. Девочка у тебя получается плохо. Мужчин ты, пожалуй, сумеешь провести, но женщинам в этом ситцевом старье даже не показывайся.

– Почему?

– Ты держишь нитку неподвижно и насаживаешь на нее иголку, а надо наоборот, – улыбаясь, пояснила хозяйка. – Хочешь, чтобы тебя приняли за девочку, – усвой основы женского поведения. Когда швыряешь палкой в крысу, встань на цыпочки и занеси руку над головой, постарайся, чтобы это вышло как можно нескладней, и промахнись шагов на пять. Бросай, вытянув руку во всю длину, а не кистью и локтем, выставив левое плечо вперед, как делают все мальчишки. Запомни: когда девочке кидают что-нибудь на колени, она их расставляет, а не сдвигает вместе, как ты, когда ловил свинец.

Поблагодарив хозяйку за гостеприимство и добрые советы, я выбежал на улицу, вскочил в челнок, добрался до острова и пустился к пещере бегом. Джим лежал на земле и

крепко спал. Пришлось довольно бесцеремонно растолкать его.

– Собирайся, Джим! Нельзя терять ни минуты! За нами погоня!

Мы потушили костер в пещере, похватали вещи, вывели плот из заводи и тихо поплыли вдоль берега, огибая нижний конец острова.

5. Спасение утопающих

Джим снял несколько верхних досок с плота и устроил на нем уютный шалаш, чтобы отсиживаться в жару и в дождь. Он даже сделал в шалаше пол, так что теперь одеяла и прочие пожитки не заливало водой, и укрепил на плоту короткую палку с развилиной, чтобы вешать на нее фонарь.

Мы плыли по ночам, удили рыбу, разговаривали и время от времени окунались в воду, чтобы разогнать сон. Так хорошо было двигаться по широкой реке и, лежа на спине, подолгу глядеть на звезды! Нам не хотелось громко разговаривать, да и смеялись мы редко.

Каждую ночь мы проплывали мимо городов. Некоторые из них стояли высоко на темных берегах – только и видна была блестящая гряда огней. На пятую ночь мы миновали Сент-Луис. У нас говорили, будто в Сент-Луисе живет двадцать, а то и тридцать тысяч человек, но я этому не верил, пока сам не увидел в два часа ночи огромное множество огней над городом. Каждый вечер, около десяти, я вылезал на берег у какой-нибудь деревушки и покупал центов на десять-пятнадцать муки и копченой грудинки. Иной раз я захватывал курицу, которой не сиделось на насесте, или забирался на кукурузное поле и брал арбуз, дыню, тыкву или молодую кукурузу. Время от времени нам удавалось подстрелить утку, и тогда мы пировали.

На пятую ночь ниже Сент-Луиса нас захватила сильная гроза с громом, молнией и ливнем как из ведра. Мы забрались в шалаш и оттуда смотрели на темную реку, которую озаряли всполохи молний.

– Эй, Джим, погляди-ка! – воскликнул я. Впереди виднелся пароход, который разбился о скалу. Течением нас несло прямо на него. Ночь была такая глухая и непогожая, и все выглядело так таинственно, что мне, как и всякому мальчишке на моем месте, при виде разбитого парохода захотелось на него забраться и поглядеть, что там такое. Мы осторожно причалили с правого борта и привязали плот.

Палуба сильно накренилась. В темноте мы кое-как перебрались по уклону на левый борт, к капитанской рубке, а потом, осторожно нащупывая дорогу ногами и растопыривая руки, очутились перед открытой настежь дверью. Из глубины салона шел свет, и в ту же минуту мы услышали голоса.

– Мне что-то не по себе, – шепнул Джим. – Пойдем отсюда.

– Ладно, – сказал я и уже хотел было вернуться на плот, как вдруг услышал, что кто-то за стонал.

– Не троньте меня, ребята! Честное слово, я не донесу... – донеслось из салона.

– Врешь, Тернер! – громко ответил другой голос. – Ты подлый предатель!

К этому времени Джим уже добрался до плота, а я все не трогался с места, просто разрываясь от любопытства. Я знал,

что Том Сойер ни за что не ушел бы теперь, и решил остаться на пароходе, прокрался к двери и осторожно заглянул в салон. На полу лежал человек, связанный по рукам и ногам, а над ним стояли двое. Первый держал в руке тусклый фонарь, а второй целился в голову связанного человека из револьвера.

– Эх, руки чешутся! – заметил второй. – Следовало бы пристрелить тебя, подлеца!

– Не надо, Билл, я не донесу, – ежась, повторял человек на полу.

– А ведь если бы мы его не осилили да не связали, он бы нас обоих убил, – заявил первый. – Теперь ты никому больше грозить не станешь, Тернер... Убери револьвер, Билл!

– И не подумаю, Джейк, – ответил Билл. – Я за то, чтоб его убить.

Джейк повесил фонарь на стенку, сделал Биллу знак идти за ним и пошел как раз туда, где я прятался в темноте. Я попятился назад, но не успел посторониться вовремя и, чтобы они на меня не наткнулись, залез в соседнюю каюту, на верхнюю койку. Джейк и Билл вошли следом за мной. Они стояли совсем рядом, ухватившись руками за край койки, и разговаривали. Билл повторял, что хочет убить Тернера.

– погоди минутку, – остановил его Джейк. – Можно обделать это дело без лишнего шума.

– Как?

– Пошарим по каютам и заберем оставшиеся вещи, а по-

том – на берег, прятать товар. Там и подождем. Через два часа пароход развалится и затонет. Тернер пойдет ко дну, и никто не будет в этом виноват, кроме него самого.

– Правильно, Джейк. Так и поступим, – кивнул Билл.

Они ушли, а я вылез, весь в холодном поту, и пополз к носу. Там было темно, как в погребке, но едва я хриплым шепотом позвал Джима, как он охнул возле моего локтя.

– Скорей, Джим! На пароходе шайка убийц. Надо отвязать их лодку и пустить ее вниз по реке, чтоб они не могли сойти с парохода.

– Не надо отпускать лодку, Гек! – прошептал огорченный Джим. – Нету больше нашего плота, он отвязался и уплыл! Лодка нам самим нужна!

Перепуганные до полусмерти, мы живо отыскали лодку. Еще секунда, и я бы в нее забрался, но тут распахнулась дверь салона. Один из бандитов высунул голову в двух шагах от меня, и я решил, что попался.

– Перевесь подальше фонарь, Билл, чтоб его не было видно с берега, – вполголоса попросил Джейк.

Я бесшумно отодвинулся в темноту. Джейк бросил в лодку мешок и влез сам. За ним на палубу вышел Билл и тоже сел в лодку.

– Готово, отчаливай! – скомандовал Джейк.

– Погоди, а Тернера ты обыскал? – поинтересовался Билл.

– Нет. А ты?

– Тоже нет. Значит, его доля осталась при нем.

– Какой толк брать барахло, а деньги оставлять! Пошли, возьмем его долю.

– А он не догадается, что у нас на уме?

– Не знаю. Идем!

Бандиты вылезли из лодки и пошли обратно в каюту. Дверь за ними захлопнулась, потому что крен был как раз в эту сторону. Через полсекунды я очутился в лодке, а Джим ввалился вслед за мной. Я схватил нож, перерезал веревку, и мы отчалили.

Лодка быстро заскользила вниз по течению. Когда мы отплыли шагов на триста – четыреста, в дверях рубки на секунду сверкнул искоркой фонарь, и мы поняли, что мошенники хватились своей лодки и теперь начинают понимать, что им придется так же плохо, как и Тернеру.

– Смотри, Гек, вон наш плот! – воскликнул Джим.

– Точно! – присмотрелся я. – Прямо на середине реки!

Джим взялся за весла, и мы пустились вдогонку за плотом. До чего же мы обрадовались, когда опять перебрались на него! Скоро впереди, на правом берегу, замигал огонек. Приглядевшись, я разобрал, что это паром, и решил отправиться туда за помощью. Лодка была до половины завалена добром, которое воры награбили на разбитом пароходе. Мы свалили все в кучу на плоту, и я велел Джиму плыть дальше и не гасить фонарь, пока я не вернусь.

Сторож на пароме крепко спал. Я пару раз толкнул его в плечо и принялся рыдать. Он подскочил как ошпаренный.

– Что такое? Не плачь, мальчик... Что случилось?

– Папа, мама, сестренка, и... – продолжал всхлипывать я.

– Ну, будет тебе, что ты расплакался? У всех бывают неприятности, обойдется как-нибудь. Что случилось?

– Они попали в беду...

– Кто?

– Папа, мама, сестренка и мисс Гукер. Если б вы подъехали туда на пароме...

– Куда «туда»? Где они?

– На разбитом пароходе.

– На «Вальтере Скотте»?

– Да.

– Господи! Как они туда попали, скажи на милость?

– Разумеется, не нарочно. Он тонет. Мы кричали-кричали, только река там широкая, и никто нас не услышал. Папа сказал, что надо кому-нибудь добраться до берега, чтоб нам помогли. Я один умею плавать, поэтому я бросился в реку и поплыл. Мисс Гукер уверяла, что если я никого не найду, то здесь у нее есть дядя, так чтоб я его разыскал он все устроит...

– Я бы поехал, да и придется, пожалуй. Только кто заплатит за это? Может, твой отец?

– Мисс Гукер мне сказала, что ее дядя Хорнбэк.

– Так он ей дядя? Послушай, ступай вон туда, где горит огонь, а оттуда свернешь к западу, к харчевне. Попроси, чтобы тебя отвели к Джиму Хорнбэку, он за все заплатит. Ска-

жи ему, что я его племянницу выручу и доставлю в безопасное место.

Паром отошел от пристани, и я успокоился. Честно говоря, мне было не очень приятно, что я так хлопочу ради бандитов. Хорошо бы вдова об этом узнала. Она, наверно, гордилась бы тем, что я помогаю таким мерзавцам, потому что вдова и вообще все добрые люди любят помогать проходимцам и мошенникам.

Когда я доплыл до плота, небо начинало уже светлеть. Мы с Джимом причалили к острову, спрятали плот, потопили лодку, а потом легли и заснули как убитые.

6. Доносчик

Проснувшись, мы перебрали добро, награбленное бандитами на разбитом пароходе. Среди прочего нашлись сапоги, одеяла, платья, много книг, подзорная труба и три ящика сигар. Такими богачами мы с Джимом еще никогда не были.

– Гек, почитай мне вслух, пока я буду готовить завтрак, – попросил Джим.

Я взял первую попавшуюся книжку и долго читал ему про королей, герцогов и графов, про то, как они пышно одеваются, в какой живут роскоши и как называют друг друга «ваше величество», «ваша светлость» и «ваша милость». Джим только глаза тарашил – до того ему было любопытно.

– А сколько король получает жалованья? – поинтересовался он.

– Да хоть тысячу долларов, если ему вздумается. Сколько хочет, столько и получает.

– Ну и ну! А что ему надо делать, Гек?

– Да ничего не надо! Сидит себе на троне, вот и все. Если ему скучно, он затевает драку с парламентом, а если что-то ему не нравится, король просто велит рубить всем головы. И еще прохлаждается в гареме.

– Где прохлаждается?

– В гареме.

– Что это такое – гарем?

– Это такое место, где король держит своих жен. Неужто ты не слыхал про гарем? Например, у царя Соломона он тоже был, а жен у него там сидело чуть не миллион.

– Ну, должно быть, и гам же у них в детской! – присвистнул Джим. – Да еще, жены все время ругаются, а от этого шуму только больше. А еще говорят, что Соломон был первый мудрец на свете! Чушь это. Разве умный человек станет жить в таком кавардаке? Нет, не станет. Умный человек возьмет и построит котельный завод, а захочется ему тишины и покоя – продаст его. Умный любит своих детей, а я слышал, Соломон предлагал разрубить какого-то ребенка пополам. У кого один ребенок или два, неужто такой человек станет детьми бросаться? Нет, не станет, он себе этого не может позволить. Он знает, что детьми надо дорожить. А если у него пять миллионов детей бегают по всему дому? Ему все равно, что младенца разрубить надвое, что котенка. Все равно еще много останется. Одним ребенком больше, одним меньше – для Соломона это все один черт.

Ни от одного негра Соломону так не доставалось. Я не стал объяснять Джиму, что в притче про Соломона имеется в виду совсем другое, а перевел разговор на других королей. Рассказал про Людовика XVI, которому в давние времена отрубили голову во Франции, и про его маленького сына, так называемого дофина, который должен был царствовать, а его посадили в тюрьму, где он и умер.

– Бедняга! – вздохнул Джим.

– А другие говорят он убежал из тюрьмы и спасся. Будто бы уехал в Америку.

– Вот это хорошо! Только ему тут не с кем дружить, королей у нас ведь нет. Правда, Гек?

– Правда.

– Значит, и должности для него у нас нет. Что же он тут будет делать?

– Не знаю. Некоторые из них поступают в полицию, а другие учат людей говорить по-французски.

– Как, разве не все люди говорят одинаково?

Тут я понял, что нечего попусту толковать с негром – все равно его ничему путному не выучишь, и снова сменил тему, заговорил о том, что скоро Джим станет свободным. Об этом он мог болтать дни и ночи напролет и вообще очень переменялся от одной мысли, что скоро перестанет быть рабом.

– Я надеюсь, Гек, – мечтательно сказал Джим, – мы за три ночи доберемся до городка Каира, что на границе штата Иллинойс. Там Огайо впадает в Миссисипи. Продадим плот, сядем на пароход и поедем вверх по Огайо: там свободные штаты, и бояться мне будет нечего.

Мы очень волновались, сумеем ли узнать этот городок. Джим сказал, что уж он-то наверно не прозевает.

– Вот он, Каир! – вскакивал и кричал он чуть ли не каждую минуту.

Но он ошибался. То это оказывались блуждающие огни, то светляки, и он опять усаживался сторожить Каир.

Я только теперь сообразил, что негр и в самом деле скоро будет свободен, а кто в этом виноват? Я, конечно. Совесть у меня была нечиста, и я никак не мог успокоиться. Я старался себе внушить, что не виноват; ведь не я увел Джима от его законной хозяйки. Только это не помогало, совесть все твердила мне: «Ведь ты знал, что он беглый, а это преступление. Ты мог бы добраться в лодке до берега и донести на него. Тогда ты бы выполнил свой долг, осуществил благое намерение».

– Знаешь, Гек, в свободных штатах я первым делом начну копить деньги и ни за что не истрочу зря ни единого цента, – продолжал мечтать вслух Джим. – Когда накоплю сколько нужно, выкуплю жену с фермы, а потом мы вдвоем будем работать и выкупим обоих детей. Если хозяин не захочет их продать, я подговорю какого-нибудь аболициониста, что бы тот их выкрал.

Я молчал. Скоро на берегу замигал очередной огонек, и я решил, что это удобный случай, чтобы донести на Джима и успокоить свою совесть.

– Мы спасены, Гек, спасены! Это добрый старый Каир, я уж знаю! – воскликнул Джим.

– Я съезжу в челноке, погляжу, – предложил я. – А то вдруг это не Каир.

Джим вскочил, мигом приготовил челнок, подстелил на дно свою старую куртку, чтобы мне было мягче сидеть, и подал весло.

– Я теперь свободный человек, а где ж мне было освободиться, если бы не ты? – прокричал он мне на прощание. – Я этого никогда не забуду, Гек! Такого друга, как ты, у меня никогда не было. Единственный белый джентльмен, который не обманул старика Джима – это Гекльбери Финн!

Я греб изо всех сил, старался, спешил донести, но как только он это произнес, у меня руки опустились. Смотрю – навстречу мне плывет ялик, а в нем сидят два человека с ружьями.

– Что там такое? – спросил первый, когда я почти поравнялся с яликом.

– Плот, – ответил я.

– Ты оттуда?

– Да, сэр.

– Мужчины на нем есть?

– Только один, сэр.

– Сегодня ночью сбежало пятеро негров, мы их ловим. У тебя там кто: белый или черный?

Я ответил не сразу. Хотел было сказать правду, только слова никак не шли с языка. С минуту я собирался с духом, но храбрости все им рассказать у меня не хватило, и я махнул на свои благие намерения рукой.

– Белый, – ответил я.

– Что-то ты долго вспоминаешь. Мы сами поедem посмотрим.

– Пожалуйста, – не смутился я, – там мой папа. Помогите

мне, возьмите плот на буксир до берега. Отец болен, и мама тоже, и Мэри Энн.

– Болен, говоришь? Вообще-то нам некогда, мальчик... Ну, да ладно, помочь надо. Цепляйся своим веслом поедем.

Я прицепился, и они налегли на весла.

– Папа будет вам очень благодарен. Все уезжают, как только попросишь дотянуть плот до берега, а мне самому это не под силу.

– Подлость какая! А что с твоим отцом?

– С ним... у него... да нет, ничего особенного.

Люди в ялике разом перестали грести. До плота осталось совсем немного.

– Мальчик, ты врешь, – проговорил первый. – Чем болен твой отец? Говори правду!

– Я скажу, сэр. Честное слово, только не бросайте нас! У него... у него... Вам ведь не надо подъезжать близко к плоту, вы только возьмете нас на буксир... Пожалуйста, я вам брошу веревку.

– Поворачивай обратно, Джон, поворачивай живее! – заторопился второй, и они развернули лодку.

– Держись от нас подальше, мальчик, вот так, против ветра. Как бы не нанесло заразу. У твоего папы черная оспа, и ты это прекрасно знаешь. Что ж ты нам сразу не сказал? Хочешь, чтобы мы все заразились?

– Понимаете, – всхлипнул я, – я раньше говорил правду, и все уезжали и бросали нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.